

И. М. Эрлихсон

**МИФ О TERRA AUSTRALIS
В ЕВРОПЕЙСКОМ УТОПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XVII СТОЛЕТИЯ
(по мотивам романа Г. де Фойни «Южная земля»)**

В статье представлен анализ утопического романа «Южная земля» французского писателя второй половины XVII века Габриэля де Фойни. Европейская социальная утопия, на протяжении столетий выступающая в разных литературных формах, в эпоху Великих географических открытий получила новый творческий импульс и значительно обогатила свое содержание, что позволило ей играть существенную роль в социально-политической и философской мысли второй половины XVII века.

Рассматриваются жизненный путь Г. де Фойни, его социальные, политические, экономические, религиозно-философские взгляды, идейные истоки и жанровые особенности романа «Южная земля»; показано, каким образом европейское сознание приходило к пониманию специфики Другого посредством его идеализации, с одной стороны, и критики — с другой.

Terra Australis; Великие географические открытия; Европа; утопия; Новое время

Вторая половина XV века — начало XVI были чрезвычайно важными для развития европейского утопического дискурса, чему способствовала совокупность разных факторов: «перевод “Республики” Платона в XV веке в дополнение к бурным спорам среди византийских эмигрантов в Италии по поводу допустимости коммунистической политики Платона в христианском обществе; публикация веком позже собрания греческих и латинских сочинений, которая сделала доступным для ученых умов тысячелетний опыт античного рационализма, отвечавшего на вопрос, какими бы были идеальные условия в этом мире; наплыв в печати и социальных протестных движениях огромного количества райских, апокалиптических и эсхатологических взглядов, восходящих к ранним культурам Ближнего Востока»¹, при этом ключевую роль сыграли Великие географические открытия, когда человек Нового времени, покоряя земные пределы, начал по-новому осмысливать свой внутренний мир, эмпирически проверяя концепты западного менталитета и конструируя новые с учетом открывшихся реалий. «Фаустовский человек» вышел за пределы знакомого мира и, преодолевая «море мрака», устремился к горизонту «неведомого, совершая тем самым колоссальный по значимости мифогенный акт. Его мифонастроение усиливалось по мере освоения новой реальности, поскольку... акт открытия территории и вступления во владение ею аналогичен повторению акта творения, а потому вызывает у первооткрывателей эффект «прорыва времени», своего рода «апокалиптический синдром»².

Эра Великих географических открытий продолжается на протяжении XVII–XVIII веков. «Между 1660 и 1800 годами не прекращались конфликты между Англией и Францией и, даже когда молчали пушки, две великие нации оттачивали орудия обоюдной вражды в холодной войне за территории в бассейне Тихого океана и Западного полушария, в научных экспедициях в Арктику, в акваторию Австралии и в страну великих пирамид»³. Как писал Ф. Аинса, «благодаря встрече с Новым Светом западный человек развил в себе свойства демиурга, которые открыл в нем Ренессанс. С момента вторжения утопического дискурса смысл изначального поиска земного рая радикально меняет свое содержание, хотя цель продолжает оставаться той же... организовать идеальное общество с реальными человеческими существами»⁴.

Поиск потерянного рая на ментальном уровне и в практической реализации подобен переменной, стремящейся к нулю. Утопическое сознание, продуцирующее образы абстрактного, затерянного в океане Идеального, выступает стимулом к тому, чтобы установить точное местоположение рая, а расширение информационного поля неуклонно сокращает список вероятных

¹ Manuel F. E., Manuel F. E. Utopian thought in the west-ern world. Cambridge, 1997. P. 16.

² Паниотова Т. А. Генезис утопического дискурса: культурно-цивилизационный контекст : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 208.

³ Adams P. G. Travelers and travel liars 1660–1800. New-York, 1980. P. 6–8.

⁴ Цит. по: Паниотова Т. А. Генезис утопического дискурса... С. 216.

адресов. Загадочная страна Офир, сказочное королевство Эльдorado, Блаженные острова Святого Брандана, легендарная Атлантида... Они так прочно завладевали воображением людей, что начинали выступать в качестве фактора, конструирующего исторические события, как произошло с географическим мифом о Terra Australis Incognita.

Непоколебимая вера в существование гигантской Южной земли — античное наследие с более чем двухтысячелетней историей. Греко-римские географы были убеждены, что известный им мир составляет не более четверти поверхности земного шара, но не могли допустить и мысли, что за его пределами ничего нет, хотя бы из-за соображений логики и симметрии. Не зная ничего о силе гравитационного притяжения, они считали, что в других частях мира должны существовать приблизительно равные массы суши, сохраняющие физическое равновесие. Если Европа, Азия, Африка расположены в Северном полушарии, чтобы земля не перевернулась, у них должен быть в Южном полушарии равный противовес — большой континент. Так возникла гипотеза о существовании южного материка.

Позднее за этим южным континентом утвердилось название “Terra Australis Incognita” (Неведомая Южная земля). Впервые она была зафиксирована на карте Птолемея, на которой Южная земля, опоясывавшая южную окраину земли, соединена с Африкой. Эту карту с небольшими коррективами воспроизвел в XII веке арабский географ Идриси для короля Сицилии Рожера II. После того как Бартоломеу Диаш обогнул южную оконечность Африки и обнаружил открытый океан без признаков суши, «возникло новое всеобщее убеждение, что какой-нибудь континент все же существует, на этот раз не математическая абстракция или предмет веры в авторитет классиков, а реальный массив суши, к которому может пристать мореплаватель. Затем наступил 1492 год и открытия западных стран... Всеобщий эффект был ошеломляющим: открыть так много, столь долго неведомое... Создавалось впечатление, что Terra Australis уже вырисовывается с полной определенностью»⁵. Картографы XVI века (Г. Меркатор, А. Ортелиус) не сомневались в существовании этого материка и даже наносили на карты его фантастические очертания.

В 1503 году судно «Надежда» Бино де Гонневиля, направляясь в Индию, сбилось с курса и причалило к неведомой земле, где экипаж пробыл около шести месяцев. Вернувшись в родную Нормандию, Гонневиль представил в местное адмиралтейство отчет, сделанный по памяти, так как корабельные журналы были утеряны, после чего удалился в поместье, где женил привезенного из южных морей аборигена, сына местного вождя Эссомерика на своей племяннице и сделал наследником своего состояния.

Спустя сто пятьдесят лет после экспедиции «Надежды» потомок Гонневиля и Эссомерика аббат Польмье на основе отчета, представленного в адмиралтейство Нормандии, создал мемуары скорее фантастического, нежели реалистического характера, поскольку почтенный священник в стремлении обратить своих «соотечественников» (австралийцев. — И. Э.) в истинную веру оказался полным дилетантом в вопросах географии. Тем не менее, желание продемонстрировать приоритетные права Франции на колонизацию Terra Australis способствовало тому, что книга, озаглавленная «Записка, касающаяся создания христианской миссии в третьем мире, называемом иначе Австралийской землей, южной, антарктической и неизвестной», вышла большим тиражом и пользовалась популярностью у читательской аудитории, впрочем как и другие сочинения подобного рода. Польмье настолько творчески подошел к процессу литературной обработки, что окончательно запутал научную и просто любопытствующую общественность, пытавшуюся на протяжении двух столетий вычислить местоположение таинственной земли Гонневиля⁶.

Творение Польмье спровоцировало новую волну интереса к Terra Australis, одним из проявлений которого стала публикация в 1676 году утопического романа Габриэля де Фойни «Известная Южная земля», малоизвестного современному читателю, но представляющего интерес с точки зрения специфики рассматриваемого мифа в генезисе и воспроизводстве европейского утопического дискурса.

Здесь необходимо дать краткий биографический обзор, так как перипетии непростой судьбы Габриэля де Фойни сыграли не последнюю роль в формировании и кристаллизации его философско-религиозных взглядов, наиболее полно воплотившихся в «Южной земле». Он родился в Пикардии в 1630 году, получил классическое образование и стал монахом. В возрасте тридцати шести лет покинул славившуюся строгим уставом францисканскую обитель и переселился

⁵ Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М. : Прогресс, 1982. С. 29–30.

⁶ На этот счет высказывались самые различные догадки. В 1874 году была найдена копия отчета Гонневиля, из которого удалось установить, что «Надежда» причалила к берегам Бразилии, несколькими годами ранее открытой Педро Кабралом. Подробнее об этом см.: Непомнящий Н. Н., Низовский А. Ю. Сто великих тайн. М. : Вече, 2000.

в кальвинистскую Женеvu. Некоторое время он перебивался случайными заработками, редактируя чужие тексты и давая уроки музыки, пока Консистерия, обвинив его в распутстве и сожительстве со служанками, распорядилась, чтобы Фойни покинул город в течение недели. Вместе с женой (незаконной, так как Консистерия аннулировала этот брак!) он отправился в Лозанну, затем в Берн, где безуспешно пытался опубликовать произведение «Призвание к божественной службе» (*Les Attraits au service divin*), и, наконец, осел в Морже ⁷, получил кафедру, а в 1671 году возглавил местный колледж. Консистерия попыталась уволить его и, когда он блестяще выдержал испытание на знание философии и теологии, выдвинула обвинение в пьянстве и непристойном поведении во время богослужения и запретила покидать Морж, пока он не выплатит долги. После долгой судебной тяжбы с местными властями Фойни ушел из колледжа.

В течение последующих двух лет он опубликовал в Женеве несколько книг, одна из которых стала причиной разбирательства по обвинению в компиляции, а другая и вовсе была запрещена. Доведенный до отчаяния ханжеством местных пасторов, Фойни в 1676 году публикует «Южную землю», причем не как автор, а как переводчик латинского манускрипта, якобы написанного недавно умершим ученым Жаном Люлли и полученного им от французского книготорговца по имени Билль (Пилль). После очередного разбирательства, в ходе которого выяснилось, что Люлли этого произведения не писал, а человека по фамилии Билль (Пилль) вообще не существовало, Фойни и его книгоиздатель были арестованы как мошенники и нечестивцы. Дело несколько раз закрывали, затем возобновляли, в 1684 году к нему присовокупили обвинение в соvrщении служанки, родившей ему дочь, и, наконец, Фойни, измученный и разочарованный, принимает католичество и поселяется в монастыре в Савоие, где спустя несколько лет умирает. А в 1692 году за год до его смерти выходит второе издание «Южной земли», причем в редакции, настолько отличающейся от оригинальной, что уже в XX веке исследователи тщетно пытались выяснить, кто же подверг текст такой существенной трансформации. Был ли это сам Фойни, настолько желавший придать своему творению широкую гласность, что отредактировал текст в ущерб содержанию, или же издатель, внесший коррективы в соответствии со своими религиозно-нравственными и философскими убеждениями?

Внешне «Южная земля» Фойни вписывается в категорию так называемых «необыкновенных путешествий» (фантастических, изумительных, подземных, внеземных, сатирических или аллегорических) и представляет собой «вымысел, подразумевающий реальное путешествие... в существующую, но малоизвестную страну... вместе с описанием процветающего общества, найденного там, и возвращения путешественника домой в Европу» ⁸.

Типичная черта классической утопии — это рассказ от первого лица и акцент на роли свидетелей — очевидцев, обычно представителей среднего социального класса. Так, Фойни подробно рассказывает с указанием точных дат об обстоятельствах, при которых к нему попали мемуары человека, прожившего несколько лет в Terra Australis. Это произошло, пишет он, в марте 1661 года в Ливорно: «Я был на пристани, когда причалило судно, следовавшее из Мадагаскара... Утомленный путешествием в три или четыре тысячи лье, он соскользнул со сходней и упал в воду. Никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь ему, и я, сжалившись, помог ему выбраться из воды. <...> Приятность его лица и учтивость манер произвели на меня впечатление. Невзирая на то что он был иностранцем, я разместил его в своем жилище и обращался с ним, как подобает всем добрым христианам» ⁹. Милосердие было вознаграждено: когда спустя несколько дней гость почувствовал приближение смерти, он передал своему спасителю все свое скромное имущество, в том числе воспоминания о своих приключениях на Мадагаскаре и в Южной земле. По прошествии пятнадцати лет автор решил опубликовать книгу «как творение божественной мудрости, которое... разоблачит лицемерие тех, кто считает себя христианами, но ведет себя хуже животных, в то время как дикари, освещенные лишь природной мудростью, более добродетельны, чем протестанты» ¹⁰.

Далее повествование ведется от лица главного героя — Садье (Sadeur). Его родители, представители третьего сословия, были родом из Франции, но желание улучшить материальное положение заставило их сменить место жительства и отправиться в Вест-Индию, а затем в Канаду, где 25 апреля 1603 года у них родился сын. По возвращении во Францию у берегов Аквитании

⁷ Западный пригород Лозанны в кантоне Во.

⁸ Atkinson G. *The Extraordinary Voyage in prose fiction. 1700–1722*. New York, 1922. P. 7.

⁹ Foigny G. de. *The Southern Land, known*. New York : Syracuse University press, 1993. P. 5.

¹⁰ Ibid. P. 7.

корабль попал в шторм, который отнес его к побережью Галисии, где он потерпел крушение, а многие пассажиры, включая его родителей, погибли. Осиротевшего младенца взял к себе один из местных жителей, но капитан судна, которое перевозило его семью, спустя некоторое время вернулся и попытался похитить его. Попытка стоила ему жизни — корабль затонул, а из всего экипажа спаслись только помощник капитана и ребенок, невольно ставший причиной трагедии. Здесь впервые всплывает, казалось бы, несущественная деталь, которая по ходу повествования приобретет большое значение: Садье оказался гермафродитом¹¹, что обнаружила женщина на португальском корабле, подобравшем несчастных, и, «охваченная отвращением, не могла даже смотреть на меня»¹², после чего ребенка отдали верному слуге. Высадившись на берег, тот пристроил своего подопечного к иезуитам, и, когда Садье достиг восьмилетнего возраста, те представили его герцогине Вилла Франка. Проникшись печальной историей мальчика, герцогиня взяла его в свой дом, где он воспитывался вместе с наследником и получил блестящее образование, штудирова «латынь, греческий, французский, итальянский, основы арабского, а также геометрию, географию, философию, хронологию и испанскую историю»¹³. Размеренную жизнь прервала поездка в университет Коимбры, где Садье должен был произнести торжественную речь по случаю поступления туда молодого герцога.

Когда Садье узнал, что ехать придется морем, его охватило беспокойство и он упрямил своих благодетелей разрешить ему войти в сухопутный эскорт. «Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Я думал, что путешествие по суше, избавит меня от опасностей моря, но море подкралось ко мне с земли и ввергло в пучину несчастий, которых я надеялся счастливо избежать»¹⁴. Наемники враждебной герцога Вилла Франка семьи Браганца напали на корабли, чтобы похитить наследника, и атаковали сухопутный эскорт. Лошадь Садье застрелили, а его самого погрузили на корабль, уничтоженный бурей. Но судьба в который раз оказалась благосклонной к Садье: очнувшись, он обнаружил себя в поместье Вилла Франка, куда его доставил капитан проплывавшего мимо судна. После безуспешных попыток убедить почтенное семейство в том, что морская стихия фатальна для него, Садье «отдался на волю Божественного Провидения», сел на корабль, который 1 сентября 1623 года встал на якорь в реке Манинга.

Садье подробно описывает местность, животный и растительный мир Конго — все то, что он наблюдал в течение многодневного речного путешествия. Природа Конго вызывает у него неподдельное восхищение: благоухающий воздух; вода, превосходящая во вкусу и питательности испанские вина; изысканные, тающие во рту фрукты; сказочный цветочный ковер, который своим разнообразием форм и расцветок вызвал бы зависть европейских садовников; изобилие морских и сухопутных животных, невиданных в Европе («морские павлины», «амфибионы»).

В описании красот Конго показателен один момент. Восхищаясь щедростью природы и даруемым ею изобилием, Садье в то же время указывает на то, что именно это делает обитателей «земного рая» ленивыми, ограниченными, апатичными, легкомысленными. «Мои наблюдения привели меня к заключению, что нет ничего более пагубного для человеческой природы, чем безделье. Человек должен постоянно трудиться и самосовершенствоваться, иначе он превратится в камень»¹⁵. С точки же зрения добропорядочного протестантского буржуа, это еще и преступление, недаром одна из ортодоксальных кальвинистских доктрин гласила, что истинный пуританин должен был целиком посвятить себя профессиональной деятельности и не упускать возможности получить выгоду. Вот почему Фойни, выступающий как выразитель протестантской деловой этики, так категоричен: «Счастье состоит не в обладании... и тот, у кого не осталось желаний, недостойн жить, так как лишен способности к *действию*» (курсив мой. — *И. Э.*).

Отплыв от гостеприимного берега, путешественники отправились дальше. В непосредственной близости от Мадагаскара они попали в сорокашестичасовой штитель, сменившийся бурей, которая отбросила корабль на тысячу лье в западном направлении к островам Троицы. Натолкнувшись на один из них, корабль распался на две части и экипаж оказался предоставленным воле разбушевавшейся стихии. Садье, который не в первый раз оказывался в подобных обстоятельствах и имел богатый опыт выживания, крепко обхватил руками доску и не отпускал ее в течение нескольких часов, до тех пор пока не добрался до суши и без сил не упал под деревом.

¹¹ Гермафродит — в греческой мифологии сын Гермеса и Афродиты, слитый с влюбленной в него нимфой Салмакидой в двуполое существо.

¹² Foigny G. de. The Southern Land, known. P. 13.

¹³ Ibid. P. 14.

¹⁴ Foigny G. de. The Southern Land, known. P. 17.

¹⁵ Ibid. P. 20.

Подкрепившись его плодами и выспавшись, Садье стал исследовать остров и знакомиться с его обитателями — «существами, которых едва ли встретишь в Европе». Это были животные, «напоминающие лошадь с заостренными мордами и когтями вместо копыт», «гигантские собаки» и «летающие чудовища». Спасаясь от них, Садье прыгает в море и приземляется на спину гигантского кита, который мощным движением сбрасывает незваного «наездника» в воду и оставляет в открытом океане под «палящими лучами солнца, единственного свидетеля этой трагедии»¹⁶. Впрочем, не была ли эта «трагедия» своеобразной подготовкой к духовному перерождению нашего героя, который переносит злоключения, демонстрируя стойкость и одновременно покорность божественной воле?! Не является ли детальное, скрупулезное описание противостояния Садье фантастическим существам, морским, сухопутным и надземным, а также неоднократное упоминание его почти мистической связи с водной стихией аллюзией к античным и библейским сюжетам?! Так, в «Правдивых историях» Лукиана путешественники попадают в чрево кита, где некоторое время ведут довольно сносное существование, а затем устраивают целенаправленный пожар и, засунув в пасть животному огромные бревна, выбирают обратно¹⁷. Но там, где Лукиан саркастичен, Фойни подчеркнуто серьезен, и потому уместнее, на наш взгляд, ассоциации с библейской притчей об Ионе, который после испытания укрепляется в истинной вере¹⁸.

Конечно, сложно проводить прямые параллели, ибо налицо явные расхождения с притчей, но то, что Садье, претерпев множество несчастий (с момента рождения!), попадает обнаженным в новый мир, на наш взгляд, глубоко символично. Во-первых, это означает, что идеальный социум идеальных людей принимает в свое лоно не каждого, а лишь того, кто искупил грехи прошлой жизни. Не случайно и то, что австралийцы приходят на помощь Садье не сразу, а лишь после наблюдения за его сражением с очередным порождением дикой природы — гигантской злобной птицей. И, во-вторых, его нагота позволяет местным жителям убедиться в том, что физиологически Садье устроен так же, как и они, то есть обладает признаками мужского и женского пола. Все переворачивается с ног на голову: то, что в традиционном обществе вызывало отвращение и воспринималось как аномалия, физическое уродство, здесь считается признаком

полноценно и гармонично (курсив мой. — И. Э.) устроенного человека. «Каждый австралиец от рождения обладает признаками обоих полов, в противном случае ребенка убивают»¹⁹.

Девяносто шесть миллионов австралийцев живут на территории колоссальных размеров, где насчитывается пятнадцать тысяч городов, каждый из которых разделен на шестнадцать кварталов из двадцати пяти домов квадратной формы. Дома в свою очередь состоят из четырех помещений, в каждом из которых проживают четыре человека. Между линиями домов простираются широкие аллеи, посаженные на расстоянии пяти футов плодовыми деревьями и кустарниками. В центре города расположен «Дом возвышения» (Heb — House of Elevation) из прозрачного камня, похожего на «горный хрусталь, который пронизывают изумрудные и золотистые блики, образующие фигуры людей, животных, небесных тел»²⁰. Здание обвито тысячами террас, на которые можно подняться на специальной платформе, вмещающей сорок человек. В здании четыре входа, к которым ведут дороги, вымощенные материалом, напоминающим яшму с яркими голубыми и желтыми прожилками, в центре помещения расположен стол на двенадцать персон. Строгая симметрия — не что иное, как свойственное авторам утопий стремление максимально упорядочить мироздание путем гармонизации внешней атрибутики создаваемого ими утопического пространства.

В городе также расположены четыре Дома Образования (Hab-House of Education), где под присмотром наставников воспитывается и обучается молодежь. Вообще австралийцы, по словам Садье, люди сведущие в различных науках — от философии до астрономии, на постижение которых они отводят большую часть сознательной жизни. «В те дни, когда они не ходят в Дома Возвышения, они должны посещать Дома Образования для обсуждения научных проблем, которые они штудируют с достойным восхищения усердием. <...> ... По завершении дебатов подводят итоги и делают запись в специальной книге. Если же у кого-нибудь возникают сомнения в верности умозаключений, он открыто заявляет об этом и братья вырабатывают более верное решение для национального блага»²¹.

¹⁶ Ibid. P. 31.

¹⁷ Любопытно, что этот сюжет с небольшими вариациями воспроизвел Эрих Распэ в «Приключениях барона Мюнхгаузена».

¹⁸ См. *Ион. 1:1–16, 2:1–1*.

¹⁹ Foigny G. de. *The Southern Land, known*. P. 47.

²⁰ Ibid. P. 41.

²¹ Ibid. P. 87.

Во время досуга они возделывают сады, применяя чудодейственные удобрения, эффект от которых длится в течение нескольких лет, проводят спортивные состязания, демонстрируют публике свои изобретения, самые оригинальные и полезные из которых заносятся в «Книгу национальных диковин» (Book of Public Curiosities), среди них: «колесо с четырьмя спицами, способное находиться в непрерывном вращении (*старая как мир мечта о «perpetuum mobile!»*)», некий деревянный механизм, притягивающий воду; синтезированная из природных материалов жидкость, при нагревании выделяющая свет без тепла, и прочие «биотехнологии».

Наиболее интересные вопросы, связанные с религиозно-философскими и нравственными убеждениями австралийцев, раскрываются в беседах Сады с почтенным старцем по имени Суанс (Suains), который берет его под свою опеку. Казалось бы, традиционная для классической утопии форма диалога у Фойни слегка «модернизирована», так как разговор постоянно прерывается внутренними монологами Сады, пространными отступлениями на различные темы, событийными цепочками, а затем возобновляется в очередной главе. П. Адамс отмечал, что «XVIII век в какой-то мере предвосхитил романтизм тенденцией использовать нетрадиционные (неевропейские. — И. Э.) общества в качестве социальных моделей для просвещенной Европы»²². Век разума создал архетип восточного человека, носителя естественной философии, что сформировало литературную традицию противопоставления восточной и европейской цивилизаций с целью критики последней за безнравственность и излишнюю утонченность. «Еще раньше возникает миф о Благородном Дикаре, чему немало поспособствовали путешественники — Колумб, Ралей, Дрейк, которые нередко преувеличивали красоту, независимость и счастье индейцев... У Благородного Дикаря было множество лиц в зависимости от времени, места и национальной принадлежности его создателя. От Монтеня до Руссо акцент делался не столько на идеальной жизни абстрактного индейца или островитянина южных морей, сколько на недостатках так называемого цивилизованного общества»²³. Образ австралийского Адама избыточно снабжается всяческими добродетелями: «...аборигены — люди мирные, скромные, никогда никого не обижающие, способные к восприятию любого учения, добродетельные и целомудренные, во многих отношениях похожие на первоначальных христиан...»²⁴.

Суанс воплощает черты одновременно Мудреца и Дикаря, символизируя естественный разум, свободный от всего фальшивого, наносного, благородную простоту и умеренность, утраченные в Европе. Старик внимательно слушает Сады, время от времени вставляя критические замечания в адрес «просвещенных» европейцев, причем его рассуждения настолько четкие и логически выверенные, что Сады невольно переходит на точку зрения своего оппонента. Так, когда речь заходит о феномене двуполости, Суанс заявляет: «Уподобление человека животному — это такая же ошибка, как разделение разума и тела... Разделение двух сущностей преодолевается их постоянным слиянием в единое тождество, продукт же временного союза несовершенен и слаб». И действительно, рассуждает про себя Сады, «слияние двух существ для того, чтобы воспроизвести одного, сопряжено с серьезными проблемами, так как соединение двух начал предполагает иерархию активного и пассивного, борьбу между ними, в результате которой человек с рождения несет в себе семена слабости и противоречия»²⁵.

Негодование старого философа вызывают неоднократные попытки Сады отождествить человека с животным: «Как солнце не может быть солнцем, не излучая свет, вода не может быть водой, не будучи влажной, так и человек не может быть человеком, не отличаясь от животных... Разговоры о звериной сущности человека — всего лишь тщеславная и лицемерная маска, которую надевают люди, чтобы оправдать жадность, злобу и иные пороки. Истинная же сущность человека — в противостоянии животным страстям и очищении от них»²⁶. И австралийцы преуспели в этом, как никто другой. Они не знают, что такое стыд и вождление. «Я слушал этого человека как оракула, и рассуждения его казались мне все убедительнее. <...> Милосердный Господь, как его речи сходны с постулатами нашей веры... Мы нагими пришли в этот мир, и, пока мы невинны, нагота была естественна для нас. Грех заставил нас стыдиться собственного тела... Глядя на этих людей, убеждаешься в том, что их души не отягчены печатью грехопадения Адама»²⁷.

²² Adams P. G. Travelers and travel liars 1660–1800. P. 189.

²³ Ibid. P. 197.

²⁴ Паниотова Т. С. Генезис утопического дискурса. С. 205.

²⁵ Foigny G. de. The Southern Land, known. P. 55.

²⁶ Ibid. P. 56.

²⁷ Ibid. P. 59.

Австралийцы не знают, что такое зависть, в их лексиконе отсутствуют слова «мое» и «твое», им чужда радость обладания чем-либо, они наслаждаются свободой и равенством. «Человек рожден свободным, любое подчинение есть ущемление человеческой природы; в состоянии подчинения человек падает ниже животного...»²⁸. Человек же отличается от животного тем, что он способен проникнуть в суть вещей, а не просто воспринимать то, что лежит на поверхности. Животные слепо повинуются инстинкту самосохранения, в то время как человеку дан разум, чтобы понять, что цепляться за жизнь — это все равно, что играть в прятки со смертью. «Преступная слабость жить без осознания неизбежной конечности своего существования... Но еще хуже изобретать средства для того, чтобы отодвинуть ее. Смерть неотделима от нас, а мы — не что иное, как смертная плоть. Бояться смерти — значит допускать два взаимоисключающих суждения, так как страх предполагает сомнение в том, что должно произойти, в то время как мы знаем, что смерть — это неотвратимая данность»²⁹. На это Садье возражает: по его мнению, страшна не смерть, а ее приближение, которое сопровождается физическими страданиями. Даже неполный список болезней, изнуряющих европейцев — подагра, головные боли, желудочные колики, повергает в недоумение почтенного австралийца, обвиняющего европейцев в эксцентричности и неразумности и восклицающего: «Как можно любить такую жизнь?». «Необходимо различать два аспекта бытия: универсальное и индивидуальное. Первое безусловно лучше, чем его отсутствие, второе — хуже, особенно если знание о его временном характере приносит нам несчастье»³⁰.

Подобный запрет действует и в отношении религии. Попав в общество австралийцев, Садье, как воспитанник иезуитов и глубоко верующий человек, поражается тому, что не наблюдает признаков религиозного культа, а затем приходит к выводу, что «их религия состоит в том, чтобы не говорить о религии»³¹. Справедливости ради надо отметить, что австралийцы прошли несколько эволюционных циклов, прежде чем желание рассуждать о Верховном Существо (*Haab*) заменило тотальное осознание того, что Он является основой основ. Суанс с неодобрением выслушивает теологические рассуждения Садье и перебивает его, задав следующий вопрос: «Все ли Вы придерживаетесь единого мнения относительно сущности Творца?» На это смущенный Садье вынужден признать, что религиозные взгляды европейцев широко варьируются и это приводит к войнам, убийствам и прочим последствиям. Ответ Суанса — это ответ самого Фойни, на своем опыте познавшем, что зло не в той или иной религии, будь то католичество или протестантизм, а в отсутствии внутренней духовной свободы. «Как можно вообразить, что Ему нравится, как вы убиваете друг друга, прикрываясь тем, что якобы выполняете Его волю? <...> Разве Его не оскорбляет то, что одни истребляют других, полагая, что лучше знают и понимают Его? Почему вы верите, что Он говорит с одними и не говорит с другими?.. Ваша религия основана на малодушии легковверных»³². Религия австралийцев — это квинтэссенция чистой веры: они не только не говорят о Боге, чтобы не совершить ошибку, но даже не молятся. «Молитвы и просьбы Его о чем-то подразумевают либо то, что Он не знает наших желаний, либо то, что мы можем повлиять на Него нашей назойливостью, и, наконец, то, что Он равнодушен, но его можно склонить на свою сторону. Думать первое — богохульство, второе — нечестивость, третье — святотатство»³³. Прием, учитывающий особенности человеческой психологии, простой, но красивый и эффективный: чтобы избежать полемики на какую-то щекотливую тему, лучше вообще вывести ее за пределы дискуссионного поля. Постулаты веры — это не теорема, требующая доказательств, а аксиома, раз и навсегда вложенная в сознание людей. Думается, что столь радикальный подход Фойни был продиктован осознанием того, что любая новая религия априори несет в себе семена общественных потрясений, а религиозные разногласия ведут к гражданским и межнациональным конфликтам.

Самый главный враг австралийцев — это «морские монстры», то есть европейцы, или, как они их именуют, «полулюди». Они сопротивляются европейской колонизации, которая к тому времени уничтожила уже не один «край», вырвав его обитателей из естественной среды обитания и подвергнув их нещадной эксплуатации. Даже Садье, соответствующий физическим параметрам австралийцев и проживший среди них 34 года, остался чужим. «Природу нельзя изменить, — печально констатирует он, — вот и я не мог более скрывать свою истинную сущность»³⁴. Садье

²⁸ Foigny G. de. The Southern Land, known. P. 60

²⁹ Ibid. P. 80.

³⁰ Ibid. P. 82.

³¹ Ibid. P. 64.

³² Ibid. P. 69–70.

³³ Ibid. P. 72.

³⁴ Foigny G. de. The Southern Land, known. P. 124.

после смерти его покровителя предъявляют обвинение по следующим пунктам: милосердие к врагу (Садье нарушил обычай отрезать у побежденного неприятеля уши), возделение (он поцеловал женщину) и, наконец, дерзкие вопросы, за тридцать с лишним лет переполнившие чашу терпения невозмутимых австралийцев. Ему грозит смерть, но, прибегнув к хитрости, он ускользает от них, оседлав гигантскую птицу, и после череды злоключений оказывается на Мадагаскаре, откуда прибывает в Ливорно. Там он умирает, а тело его сбрасывают в морские волны. Так заканчивается история жизни Садье, изгнанного из райских чертогов, обреченного на вечные скитания, пока равнодушное море не смыкается над его бездыханным телом, завершая тем самым круговорот жизненного цикла.

Подводя итоги, можно отметить следующие моменты. В «Южной земле», на первый взгляд, сохранена классическая для таких произведений сюжетная схема: спасшиеся по какой-либо причине участники экспедиций живут на острове, в горах или изолированно от всего мира, смешавшись с местным населением; здесь же приводится описание удивительного города с идеально симметричной планировкой; жизнь на лоне природы с ее изобильными дарами способствует простоте образа жизни и благородству нравов местных обитателей, которые довольствуются малым: ходят в простой одежде либо нагими, не стремятся к накоплению богатства, не знают категорий «твое» и «мое». Австралийцы не испорчены цивилизацией, благоговейно относятся к миру вокруг себя как части божественного творения, управляемой высшими силами, находятся в гармонии с обильной и совершенной природой и, несомненно, достойны этого совершенного мира. Естественная изоляция Австралии как бы защищает подступы к раю, поддерживает вдали от деградирующего исторического развития Запада нетронутый золотой век.

Казалось бы, классические черты, классические сюжеты... Но особенностью «Южной земли» Фойни является то, что сконструированное им пространство постоянно балансирует между утопией и антиутопией. Итак, что же дает основание для подобного предположения? Именно предположения, поскольку мы никогда не сможем объективно познать другой мир и чьи-либо намерения в описании одного, и потому приходится оперировать преимущественно гипотезами.

Южная земля — это гиперболизированная Аркадия, прообразом которой выступает библейский райский сад, что неудивительно, так как Фойни, человек духовного звания и, следовательно, глубоко верующий, сконструировал идеальный социум, взяв за основу идеальную во всех отношениях модель — ветхозаветный Эдем. «И взял Ашем человека, и поместил его в Саду Эдена, чтобы обрабатывать и охранять его»³⁵, — по этим двум направлениям осуществляется практическая деятельность австралийцев. Можно аплодировать смелой фантазии Фойни, не просто заселившего легендарную Terra Australis гермафродитами, но и преподнесшего это общество если не как идеальное, то близкое к совершенству. Из этого вовсе не следует, что Фойни хотел шокировать чопорных пасторов или привлечь падкую на пикантные сюжеты читательскую аудиторию. Маловероятно и то, что истоки неординарных представлений автора проистекали из его знакомства с мифологическими воззрениями древних эллинов, которые поклонялись Гермафродиту, символу физической любви и слияния тела и души как ее апогея. Как видим, представление о гармонии двуполости как интеграции двух начал имеет более глубокие корни. Гермафродиты — это существа, чья природа полностью совпадает с физическими параметрами первого жителя райского сада — Адама. В современном переводе первой книги Пятикнижия Моисея — Берешит, в частности стихов, описывающих создание человека, читаем: «И создал Эло'им Человека по образу Своему, по образу Эло'им создал его, мужским и женским — создал их»³⁶. То есть изначально человек, тот, который был создан на шестой день Творения, — есть соединение двух начал, или, если выразиться языком Пятикнижия, двух «сторон». «И навел Ашем Эло'им сон на Человека; и спал, и взял одну из сторон его, и закрыл плотью то место. И

³⁵ Тора из Цийона. Пятикнижие Моше. Книга Берешит / пер. и коммент. Й. Левин, У. Линец. 2-е изд., испр. Иерусалим (5770 — еврейское исчисление) ; Калуга : Облиздат, 2010. 2.15. Текст каждой книги Пятикнижия Моше для удобства адресации ссылок разделен на главы, в книге Берешит их 50, каждая глава разделена на пасуки (отдельные стихи). Таким образом, ссылка «Берешит 12, 5» означает: книга Берешит, глава 12, стих 5. Мы используем этот перевод, так как он близок к оригиналу, написанному на древнем иврите, и очищен от многослойных искажений, а также максимально сохраняет лексику Торы на основе классической еврейской традиции. Так, переводчик сохраняет Имена Всевышнего, не заменяя их словами «Бог», «Господь» и пр., так как каждое ивритское Имя (Ашем, Эло'им, Шадай и т. д.) — это проявление одного из качеств Творца; они могут быть объяснены, но не имеют адекватного перевода ни на один другой язык.

³⁶ Пятикнижие Моше. Книга Берешит. Гл. 1, стих 27.

перестроил Ашем Эло'им сторону, которую взял от Человека, в женщину, и привел ее к Человеку»

37

В обществе австралийцев в понимании человека Нового времени фактически нет религии, ибо последняя сводится к процедурам отправления культа и различиям в толковании того или иного отрывка из священных текстов. Совсем иначе в ветхозаветном Эдеме, немногочисленные обитатели которого не ведут теологических дискуссий, а напрямую, без посредников, общаются со своим Создателем, как это делают австралийцы Фойни. И, наконец, социум Фойни столь же хрупок, как и Эдем. Его равновесие неустойчиво, как капля воды на гладкой зеркальной поверхности, его внутренняя стабильность настолько иллюзорна, что неизбежно рассыплется при малейшем соприкосновении с внешней средой, как это случилось с Эдемом. Поэтому австралийцы так оберегают свой мир от любого внешнего воздействия. Они проявляют крайнюю нетерпимость ко всему, что отличается от их традиционного уклада. Даже покровитель Садье, почти по-отечески относящийся к нему, часто разговаривает с ним резко, почти грубо и не упускает случая с оттенком превосходства указать на то, как велика пропасть между степенью просвещенности жителей Terra Australis и мраком, который окутывает разум «цивилизованных» европейцев.

Вообще в «Южной земле» четко прослеживается тенденция противопоставления двух категорий Чужой — Свой, и трагедия Садье (кстати, как и трагедия самого Фойни) состоит в том, что он навсегда застрял в первой и так и не перешел во вторую. Цель Фойни не только показать идеальное общество, апробировать способы его построения и показать перспективы дальнейшего существования. В лейтмотиве «Южной земли» звучит тема человеческого одиночества: одиноким приходит человек в этот мир и таким же покидает его. Садье не находит себе места ни в Старом Свете, полном предрассудков и предубеждений, но и, оказавшись в буквальном смысле на краю земли, убеждается в том, что и идеальное общество ему подобных тоже не принимает его. Он не просто добровольно покидает «рай», как обычно это происходит с рассказчиками в классических утопиях (структура «путешествия туда и обратно»), но «рай» отторгает его, причем жестко и мучительно.

В конечном итоге разграничение между реальным и воображаемым определяется исходя из восприятия времени: с расширением знаний об окружающем мире то, что расценивается как неоспоримый факт в одном поколении, в следующем будет считаться вымыслом, и, соответственно, наоборот. Взаимодействие европейской культуры с мифологическим наследием автохтонных народностей стало важнейшим источником утопического творчества.

«Конец XVIII века ознаменовал исчезновение традиционного типа утопии, поскольку мир, наконец-то, стал абсолютно открытым. Для процесса исследования мира, который сделал такие метафоры возможными, осталось прогрессивно уменьшающееся количество воображаемых субъектов. Роль утопии в описании экзотических или альтернативных социальных моделей в конечном счете станет сферой деятельности этнографии. Закрытое общество также стало рассматриваться в лучшем случае как сомнительный идеал — препятствие для роста знаний, торговли и даже (если, как многие полагали, мировые культуры были предназначены для соединения в единое целое) к непосредственно общественной гармонии»³⁸.

Тем не менее утопия и в последующих веках сохраняет за собой основные функции — критику существующего строя и конструирование идеала, которые явились открытием своеобразного мира идей, выходящих за рамки собственных, ограниченных сословными, религиозными и иными предрассудками, передавали идеализированное видение собственного общества, проектировали оптимальные социальные модели, а также обращались к абстрактным проблемам. Но идеал приближается к исторической практике, а критика приобретает более конструктивный характер. Благодаря этому, замкнутые рамки классической утопии размыкаются и она открывается навстречу миру, обретая глобальное содержание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было : пер. с англ. Г. М. Улицкой. — М. : Прогресс, 1982. — 207 с.
2. Тора из Цийона. Пятикнижие Моше. Книга Берешит / пер. и коммент. Й. Левин, У. Линец. — 2-е изд., испр. — Иерусалим (5770 — еврейское исчисление). — Калуга : Облиздат, 2010.
3. Adams Percy G. Travelers and travel liars 1660–1800. — New-York, 1980. — 292 p.
4. Atkinson G. The Extraordinary Voyage in prose fiction. 1700–1722. — New York, 1922. — 147 p.

³⁷ Там же. Гл. 2, стих 21–22.

³⁸ Fausett D. The strange surprising sources of Robinson Crusoe. Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1994. P. 27.

5. Fausett D. The strange surprising sources of Robinson Crusoe — Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1994. — 229 p.
6. Foigny G. de. The Southern Land, known. — New York : Syracuse University press, 1993. — 152 p.
7. Manuel Frank E., Manuel Fritzie E. Utopian thought in the west-ern world. — Cambridge, 1997. — 896 p.

Сведения об авторе

Эрлихсон Ирина Мариковна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: английская общественная мысль XVII–XVIII веков, раннее Просвещение.

Контактная информация: тел.: (4912) 28-05-10; электронный адрес: i.erlihson@365.rsu.edu.ru

I. M. Erlikhson

THE LEGEND OF TERRA AUSTRALIS IN EUROPEAN UTOPIAN DISCOURSE OF THE 17TH CENTURY (inspired by the novel “The Southern Land, Known” by G. de Foigny)

The article analyzes the utopian novel “The Southern Land, Known” by Gabriel de Foigny, a French writer of the late 17th century. European social utopia which for centuries had surfaced in various literary forms acquired a new creative impulse and enriched itself during the Age of Exploration and, therefore, became a significant component of social-political and philosophical thought of the late 17th century.

The article treats Gabriel de Foigny’s life, his social, political, economic, religious and philosophical ideas, the theme and the genre characteristics of his novel “The Southern Land, Known”. The article shows that Europe came to understand and accept another reality by both idealizing and criticizing it.

Terra Australis; the Age of Exploration; Europe; utopia; modern history

REFERENCES

1. Ramsay R. *Otkrytija, kotoryh nikogda ne bylo* [No Longer on the Map: Discovering Places that Never Were]. Moscow, Progress Publ., 1982, 207 p. (Transl. from English).
2. *Tora iz Cijona. Pjaticnizhie Moshe. Kniga Bereshit* [Torah from Zion. Pentateuch of Moses. The Book of Genesis]. Jerusalem. Hebrew year 5770, Kaluga, Oblizdat Publ., 2010. (Transl. from Hebrew).
3. Adams Percy G. *Travelers and Travel Liars 1660–1800*. New-York, 1980, 292 p.
4. Atkinson G. *The Extraordinary Voyage in Prose Fiction. 1700–1722*. New York, 1922, 147 p.
5. Fausett D. *The Strange Surprising Sources of Robinson Crusoe*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi Publ., 1994, 229 p.
6. Foigny G. de. *The Southern Land, Known*. New York, Syracuse University press Publ., 1993, 152 p.
7. Manuel Frank E., Manuel Fritzie E. *Utopian Thought in the Western World*. Cambridge, 1997, 896 p.

Information about the author

Erlihson Irina Marikovna — Doctor of History, Professor in the Department of World History and International Relations at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: British social thought of the 17th–18th centuries, Early Enlightenment.

Contact information: Phone No. (Ofc): (4912) 28-05-10; e-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru

Поступила в редакцию 09.09.2019

Received 09.09.2019